

ЖИВЫЕ ПОКОЙНИКИ.

„Да будетъ прощень предвѣчно наказанный!“

ГОВОРИТЬ о значеніи раскола было бы совершенно излишнимъ, но въ то же время не можемъ не сказать нѣсколько словъ, могущихъ служить разъясненіемъ того почти невѣроятнаго факта, который описанъ въ предлагаемомъ очеркѣ. Прежде нежели трактовать извѣстное явленіе такъ или иначе, необходимо изучить его прошедшее, т. е. причины, его вызвавшія, его настоящее, т. е. точно описать, въ какомъ видѣ и при какихъ обстоятельствахъ представляется оно современному наблюдателю, и наконецъ, выяснитъ тѣ задатки будущаго, которые присущи ему. Къ сожалѣнію, грандіозное явленіе раскола подвергалось до самаго послѣдняго времени лишь крайне поверхностному изслѣдованію: или его изучали официальные лица, отъ которыхъ, по выраженію самихъ раскольниковъ, имъ приходилось всячески отлынивать и скрываться, „страха ради іудейска“; или все вниманіе наблюдателей обращалось на догматическую сторону раскола, тогда какъ социальная сторона его оставалась необслѣдованною, также точно, какъ и причины, вызвавшія появленіе, и главное—постоянное усиленіе раскола; или люди брались за изученіе раскола съ предвзятою мыслью—найти въ немъ одно лишь дурное; или же, наконецъ, нѣкоторые фантасты думали найти въ немъ поддержку своимъ личнымъ социально-политическимъ вождедѣніямъ. Ясно, что, прежде чѣмъ говорить о расколѣ, надо его изучить на мѣстѣ и изъ устъ самихъ раскольниковъ таковымъ, каковъ онъ на самомъ дѣлѣ есть, со всѣми его крайностями, несообразностями, недостатками и задатками дальнѣйшаго развитія; должно знать хо-

рошее и дурное, живое и живучее, мертвящее и уже мертвое. Только когда выяснится расколъ во всѣхъ подробностяхъ своихъ, возможно будетъ знать, нужно ли вообще и, если нужно, то противъ какихъ его догматовъ и положеній бороться, знать также и оружіе, съ которымъ придется выйти на борьбу съ нимъ. Положимъ,—оружіе это извѣстно уже аргіогі, и состоитъ въ образованіи народа, но вопросъ въ томъ, чему предстоитъ учить и какъ. Для борьбы съ скопчествомъ и хлыстовщиной достаточно удовольствоваться обычнымъ образованіемъ, тогда какъ такая секта, каковы „живые покойники“, потребуетъ уже иного.

Всѣ эти соображенія заставили насъ сообщить здѣсь возможно полное вѣроученіе „живыхъ покойниковъ“ и показать, до какой степени можетъ заблуждаться, безъ надлежащей подготовки и при извѣстныхъ обстоятельствахъ, пытливый умъ, не нашедшій удовлетворенія и жаждущій найти „истину“.

Одинъ изъ героевъ Достоевскаго, пьяненькій чиновникъ Мармаладовъ, утверждаетъ, что самое ужасное положеніе того человѣка, которому „некуда идти“. У господъ на этотъ случай припасенъ бываетъ револьверъ Смита и Вессона, или же, за неразрѣшеніемъ полиціею „имѣнія при себѣ огнестрѣльнаго оружія“, на худой конецъ—Нева можетъ сослужить добрую службу, кусокъ синеродистаго калия и даже нашатырь—когда человѣку не только „некуда“, но и не хочется идти поискать болѣе пристойнаго яда, головки отъ спичекъ, окно въ квартирѣ пятаго этажа, уголья—все является на помощь „заскучавшему“ и „порѣшившему покончить“ барину. Иное дѣло, когда „некуда идти“ крестьянину! Тутъ и конецъ-то все некрасивый: возжи, прорубь, тупикъ,—вишки вылѣзутъ, весь синий станешь, а главное—грѣхъ, не похоронять, царствія небснаго лишись, семь доука, самого потрошить стануть, ангель хранитель семь дней за крыло привѣшенъ будетъ, при второпришествіи не воскреснешь. Куда тутъ дѣваться? что тутъ дѣлать?

Исходы есть, однако, и здѣсь: кабакъ, монастырь, раскольничій скитъ.

Попалъ я разъ въ такія палестины нашей „обширной“ родины, что ни одинъ становой туда носа не показывалъ; обрѣлъ я, наконецъ, тотъ Щедринскій уголокъ, куда „не успѣли еще прислать окладнаго листа“. Гдѣ это было—говорить незачѣмъ, а то окладной листъ пришлютъ, и начнутъ тогда для этого таинственнаго уголка „историческія времена“. Скажу лишь одно: было все это на сѣверѣ, но не на томъ, что понимаютъ подъ „сѣверомъ петербургскимъ“. Сѣверъ сказался тутъ новгородскою старою рѣчью, стариннымъ обличемъ новгородскимъ, отсутствіемъ помѣщиковъ въ былое время, неспорченностью народа и истовымъ восьмиконечнымъ крестомъ, который, что ни говори, а все коренной нашъ, русскій, древній крестъ, когда-то со стяга Дмитрія Донскаго взиравшій на полчища Мамаю, крестъ

Владимира Святого и Ольги. Лошадей мы давно уже бросили; долго, дней пять уже, какъ шли сухопутьемъ, наволокомъ, побросавши и лодки; шли, какъ подобаетъ настоящимъ путешественникамъ: я да Артамонъ Васильевичъ, съ топоромъ за поясомъ, съ пульною винтовкою на плечѣ, съ торбою за спиною, да еще собаченка Артамонова, изъ породы лаекъ—длинная такая, неказистая, а собака преумная и привычекъ самыхъ пріятныхъ и благородныхъ. Звали пса этого странно: „Никашвою“—не вытерпѣлъ, знать, хозяинъ, чтобы не надругаться надъ неказистымъ ему патриархомъ Никономъ; тѣмъ не менѣе, песъ видимо обижался, когда его звали данною ему кличкою—рычалъ, и охотно отклонялся и хвостомъ юлилъ на простой крикъ: „песъ!“ Самъ Артамонъ мужикъ былъ ражій, лѣтъ 45, и мнѣ за нимъ идти было нежутко, такъ какъ и онъ не долженъ былъ по записи давать меня въ обиду, да и самъ-то я снабженъ былъ ремингтонкою, да револьверомъ,—благо на все это въ этихъ краяхъ запрета отъ полиціи по счастью не вышло.

— Скоро ли же, Артамонъ, твои „покойники-то“ будутъ? спросилъ я, наскучивъ прыганьемъ по кочкарнику и хожденіемъ по болотинѣ, яко по суку.

— Пятка три осталось! не больше.

И то славу Богу! цѣлыхъ двѣсти верстъ ушли мы даже отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ живетъ настоящій человекъ, т. е. обложенный разными податями; пять дней, кромѣ лѣса и ржаваго, желѣзистаго болота, я ничего не видѣлъ; пять дней, что настрѣляемъ, то и съѣдимъ—надоѣло; захотѣлось избы, человека, говора людскаго.

Къ вечеру, часу въ седьмомъ, изъ-за лѣса показалась прогалинка, а на прогалинкѣ не то село, не то деревня, напоминавшая одну изъ картинъ, приложенныхъ къ описанію путешествій Олеарія и Герберштейна. Посреди прогалины возвышались высокіе двухъ и даже трехъ-этажные дома изъ здороваго, хозяйственнаго—благо не занимать его стать—лѣса, а за домами серебрилась широкая, многоводная, да и многорыбная рѣка. Видно, живутъ здѣсь люди не въ нуждишкахъ повседневныхъ, не „изголоду въ недоядъ“, а словно какіе тузоватые хозяева, у которыхъ закрома отъ хлѣба-зерна ломятся. А зерна-то и въ поминѣ нѣтъ! такъ, по привычкѣ своей старорусской—грѣхъ де землю матушку въ пустѣ пускать, пусть де она мать матерью и въ доподлину будетъ, хоть и тяжело ей тутъ матушкѣ разрожаться,—сѣютъ люди четверикъ, другой, овсеца, да ржицы, словно морозу на пожраніе. Вся тутъ ѣда, все довольство не въ хлѣбѣ, не въ зернушкѣ задачливомъ, а въ тѣхъ лѣсахъ и рѣкахъ непроѣзжихъ и непроходныхъ, гдѣ не только еще не слышится „мерзкаго свистанія бѣсовскаго“, но даже и погикиванія земскаго ямщика, гдѣ звонъ колокольцовый никогда еще не раздавался. Въ лѣсу дичи и звѣря напасено на охотаго человека вволю, а въ рѣкѣ Т., да въ плесахъ по ней и въ ламбахъ, рыбы—дѣвать некуда! Дѣвать-то, положимъ, и есть куда, такъ

какъ давно завелось, что добрые люди являются сюда за товаромъ и по первопуткѣ свозятъ его въ тѣ мѣста, гдѣ давно уже завелись и окладные листы, и ярмарки. А на спросъ: „гдѣ товаръ достали и почему?“—одинъ отвѣтъ, одинъ побытъ: „гдѣ куповали, тамъ теперь насъ нѣтъ, а почему?—по деньгамъ“. Дѣло торговое—дѣло темное, и повелось у насъ еще изстари съ нимъ отъ всѣхъ людей таяться, да хорониться, а потому люди добрые такой отвѣтъ выслушиваютъ, а сказать—ничего не скажутъ. Пробовали было, старались—виномъ помъ думали, такъ не пьютъ, а безъ вина и вѣкъ не добьешься. Послѣ уже мнѣ и не вѣсть что толковали: лѣшаго де къ этому дѣлу приспособили, чтобы рябцовъ, да копалъ въ силки ловить, бѣлку бить и иного звѣря; набьетъ, набьетъ, да имъ и предоставитъ, потому слово такое знаютъ—„можайское“. Какъ ни какъ, а только въ ближайшихъ селахъ знаютъ кое-кто, да кое-что, а въ „центрахъ“ полагаютъ, что тутъ „однѣ лишь дѣбри и тони“. Удавалось бывалымъ въ тѣхъ мѣстахъ людямъ записать на мѣстѣ такой свазъ: „полѣсовалъ я въ тапоры тамъ-то и вышли мнѣ изъ лѣсу невѣдомые люди, кои словъ со мною никакихъ не говорили и, помедля мало, въ лѣсу же скрылись“. Спасибо, вошло у насъ на Руси въ обычай сваливать такіа кажущіяся встрѣчи на зеленое вино, а потому и становой лишь выбрать, обыкновенно, такого разказчика и посовѣтуетъ ему въ другой разъ „зѣньки-то свои не въ конецъ заливать“, до того, что въ неуказанномъ мѣстѣ ему люди кажутся. Былъ и такой, говорятъ, случай: попалъ въ тѣ мѣста новенькій становой или лѣсовикъ, да и ну казенное имущество оглядывать; сунуло его, будто, и на далекуд Т.; недолго однако тотъ становой или лѣсовикъ послѣ того на мѣстѣ просидѣлъ—уѣхалъ къ себѣ въ Польшу, землю купилъ и сталъ жить настоящимъ паномъ.

А я, признаться, еще въ Петербургѣ наслушался разказовъ о какой-то новой сектѣ, которую кто называлъ „нѣтчиками“, кто „нѣтовцами“, прибавляя для пущаго страха эпитетъ „глухая“, а кто и прямо-таки—„сжигальщиками“. Чтѣ это за секта, во что вѣрить и что именно отрицаетъ—никакъ довѣдаться я въ нашемъ невѣдущемъ Петербургѣ не могъ и принужденъ былъ выждать того времени, когда самому привелось побывать въ тѣхъ мѣстахъ. Спросишь, бывало:—Да гдѣ же искать то ихъ? въ уѣздѣ какомъ? „Тамъ тѣ укажутъ... тамъ узнаешь...“ только бывало и добьешься! И вовсе уже близко къ этимъ чудакамъ подѣхалъ, а все говорятъ знающіе люди: „это, братъ, дальше развѣ, а у насъ что-то не слыхать“. И вотъ случайно наталкиваюсь я на Артамона Васильевича, который по счастью скоро облюбилъ меня и „раскрылся по душѣ“, что „онъ де самый ихній сбятчикъ и есть“. Слово за слово, разказъ за разказомъ, дошли до подробностей и порѣшили, что Васильичъ сводитъ меня къ „покойникамъ“, какъ самъ онъ ихъ называетъ—„потому-де живутъ въ покоѣ, и о покоѣ Бога молятъ“.

Не прошло и получаса, какъ я уже сидѣлъ въ просторной, но далеко не свѣтлой избѣ и самоварился съ хозяиномъ, „старцемъ Абрахимомъ“ — главнымъ начальникомъ и верховодою „покойниковъ“. Артамонъ Васильевичъ такъ прямо и привелъ меня сюда, словно къ хозяину, который не скрывается отъ „рассейскаго мира“, на большой дорогѣ живетъ, а не хоронится въ лѣсу и болотинѣ отъ нескромнаго глаза докучнаго посѣтителя. Потолковали мы съ нимъ часочекъ времени и пошла у насъ „игра въ открытую“, а то было сначала, несмотря на самую лестную для меня рекомендацію Артамона, старикъ все приглядывался, да прислушивался, нѣтъ-ли во мнѣ какого подвоха. Страшенная ворона и куста боится—дѣло понятное!

— Такъ, сказываешь, въ Питерѣ еще объ насъ слыхалъ?

— Въ Питерѣ, старче, въ Питерѣ! только все что-то странное рассказываютъ... Даже и прозвища-то вашего не знаютъ... толкуютъ, что самосожигатели, нѣтчики, нѣтовцы, а вонъ Артамонъ такъ за просто васъ „покойниками“ величаетъ.

— И то вонистину! живые мы покойники — вѣрное это слово! Самъ ты знаешь, небось, что не въ шесть же въ самомъ дѣлѣ дней Господь сотворилъ поселенную; ваши церковники и такъ и этакъ примѣряли, да все не ладно выходитъ... не днями тутъ пахнетъ, а можетъ сотнями и тысящами лѣтъ... такъ-то! и по наукѣ-то такъ выходитъ: Ботта—господинъ, книжку написалъ: шесть, говоритъ, пластовъ, шесть эпохъ мірозданія, землестроенія... тоже и мы вѣдь читали! ты думаешь, у меня книжки этой нѣтъ? хочешь принесу?

Конечно, я успокоилъ своего собесѣдника и постарался убѣдить его, что я не сомнѣваюсь въ томъ, что есть у него „Ботта“.

— Потворивши шесть дней, Господь—что? какъ сказано? „почи отъ дѣлъ своихъ“. А „почи“ что значитъ? Аль ты, когда почиваешь, работаешь? Почему же для тебя „почи“ — одно, а для Бога — иное? Уничали, уничали своими куриными мозгами, а того и не видятъ, что между глазъ у нихъ носъ болтается. И отчего это глады пошли, и моры, и тусы, и потоны, и святымъ поруганіе, и проти брата возстаніе? Да не-ужь-то же коли бы Богъ-то бдѣлъ, такъ все это было? неужели вы того разобрать не можете, что онъ бы не попустилъ всего этого? А вы-то хлопчете, а вы-то разныя машины выдумываете! вотъ, ономясь, газета какая-то попалась—тифъ проявился! Ну, что же? рѣшили тифъ этотъ, или все еще думаете, отчего бы это напасть приключилась? Что же, Богъ-то у васъ — злодѣй, что-ли, роду человѣческому? наготовилъ, наготовилъ людей, да и ну надъ ними куражиться? А вотъ, кабы вы писаніе-то читали, такъ и увидали-бы истину... Богъ-то и радъ бы, да никакъ ему невозможно — потому „почи отъ дѣлъ;“ пока строкъ не пройдетъ, осьмой день не настанетъ, такъ и будетъ почить... А вы-то ему вопите, а вы-то орете, а вы-то его свѣчами подпаливаете—авось-де услышитъ... Нѣтъ ему закона бдѣть и бодрствовать — ну, и не можетъ...“

— Ты постой, перебилъ я старика,—многое ты мнѣ сказалъ такое, что съ полуслова не схватишь... говори не сразу — дай и мнѣ въ словахъ твоихъ разобраться. Ты вонъ толкуешь: почилъ Богъ, а зачѣмъ почилъ, не сказываешь?

— На что почилъ? а законъ!

— Какой же законъ, говорю, — Господь выше закона, онъ самъ законъ.

— Да Богъ-то откуда вышелъ? полагать надо не съ неба свалился? онъ-то что? наука прямо говоритъ: (sic) сила силъ. Ну, а ты погляди-ка-сь: развѣ вода можетъ мельничное колесо не ворочать, или паръ чугунокъ не гнать? а выпусти паръ, спусти воду — ну, и стала и мельница, и чугунокъ. Такъ-то и Богъ! ты вотъ читалъ, видно, Библию, да плохо, а то бы эту самую зачѣпину бы запримѣтилъ... Какъ сотворилъ Богъ человѣка, онъ что сдѣлалъ? Нука-сь, припомни... душу-то вдунулъ—ею оживилъ, а самъ и ослабѣлъ... Ты ослабѣешь, что сдѣлаешь? почишь? ну, понялъ?

— Чудны дѣла твои, Господи! подумалъ я; сидитъ передо мною человѣкъ, который въ жизнь свою ничему не учился и даже самого „Котту“ читаетъ съ азами и буками; сколько же долженъ былъ онъ вытерпѣть, прежде нежели дойти до этой рѣжущей, рубящей заживо „логики“.

Стало меня подмывать сбить старика съ его „нелогической логики“; думаю—не можетъ же быть, чтобы этотъ человѣкъ на всякій спросъ и на всякую уловку изготовилъ отпоръ и свою спохватливую замашечку, въ которой не разобраться отъ смѣшенія непонятныхъ научно-философскихъ мыслей и доморощенныхъ додумокъ и догадокъ. Мнѣ все хотѣлось знать, самъ-то старикъ истинно-ли вѣрить въ то, что проповѣдуетъ, или же надуваетъ своихъ однологовниковъ (чтобы не сказать односельчанъ).

— Да развѣ, говорю, — сила силъ можетъ уменьшиться или увеличиться?

— А ты какъ думаешь, солнце такъ, всегда во всю лучъ пускаетъ? или не знаешь, что на немъ пятна есть, и теплоты и свѣта то больше, то меньше отъ него бываетъ. Тоже вѣдь, коли хочешь, силы его не уменьшается, а свѣту-то поменьше и побольше быть можетъ.

— Такъ вѣдь, старче милый, говорю, — въ такомъ разѣ, если доброе-то спитъ, такъ зло царствовать будетъ на землѣ всецѣло?

— А по твоему не „царствуетъ“ оно? по твоему очень много ужъ правды, да благополучія? дѣвать некуда! Какъ первый грѣхъ совершился, такъ началось царство зла и неправды; кабы люди-то не грѣшили, скорѣе бы наступилъ осьмой день, а тутъ съ Адама да Евы и пошло, и пошло!.. чуть что не за разъ братъ брата убилъ... отецъ съ дочерью спалъ... виданное-ли дѣло? гдѣ же тутъ надѣяться на Божію благодать, на Божію заступу!

— Да вѣдь коли теперь царство зла, такъ и царить, значить, царь зла и отецъ лжи?

— Э, эхъ! человекѣ, человекѣ! Куда скоры вы на осуду! куда за поповскими недоумками бѣгать любите! Ну, царствуетъ! да и царствовать будетъ до самого осьмаго дня! такъ поэтому и отрицаться его, и чураться, и ругать, какъ вы дѣлаете... А ты, коли узрѣлъ, что его нынче держава наступила, такъ къ нему припади, моли его, ублажай слезно...

— Старче, старче! это чорту молиться?

— А коли понимаешь ты, что не годится, такъ ты иначе пойми! какъ твоему разуму способно... Что же? въ самомъ дѣлѣ, что ли, я говорю, чтобы чорту люди молились? могій вмѣстити, да вмѣстити, а не могій — слова самого да слушается. Не вѣрю же я въ самомъ дѣлѣ въ того чорта, что у васъ да и у староправыхъ изображаютъ — все ложь одна... разъ онъ такой. Легкое дѣло! чуть что — чортъ попуталъ! а понци-ка-сь этого чорта, такъ, глядишь — онъ въ самомъ человекѣ попрятавшись. Какъ разберешь ты дѣла, да какъ выкинешь хорошенько въ то, что отецъ-то лжи да царь тѣмъ не иной кто, какъ самъ человекѣ, такъ и поймешь ты мои слова о томъ, что припасть къ нему надо, молить его и ублажать, чтобы не загубилъ онъ въ конецъ свою нетлѣвную, вѣчную душу, а соблюлъ ее, благо не трудно ему отъ самого же себя блюсти ее.

— Вотъ этакъ-то, говорю, — лучше, старче, людей не морочишь!

— И чудакъ ты только, посмотрю я на тебя! ей-ей чудакъ! Какъ думаешь? кабы Христосъ власы по-назарейски не носилъ, да сыномъ Давида, сирѣчь царемъ іудейскимъ, не назвался, народъ-то за нимъ очень пошелъ-бы? да на что ему ходить, да противу властей языческихъ мутиться, кабы Іисусъ-то только и проповѣдовалъ: подставляй другую щеку, люби ближняго, какъ себя самого, раздай имущество... а иному и раздавать нечего? Или много-ли христіанъ-то безъ креста бы набралось? Много бы Люторъ безъ обоихъ видовъ подѣлалъ? Много бы нашъ Аввакумъ да Никита безъ бородъ, да двуперстія? Только флахтъ одинъ и держитъ! тебѣ флахтъ не пужень, а тысящи его только и ждуть, только за нимъ и идутъ...

— Какой флахтъ? спрашиваю.

— Какъ какой? Да ты на войнѣ-то бывалъ-ли? Вотъ и видно тотчасъ, что не бывалъ... Ты за вѣру идешь, другой за правду, а за что же Ванька съ Прешкой на врага лѣзутъ? этимъ чего требуется? тебя правое дѣло, вѣра гонитъ да подталкиваетъ, а ихъ что? Ты имъ хоть недѣлю недѣльскую о правомъ дѣлѣ передъ боемъ толкуй — стоитъ, ровно пентюкъ какой... а покажи-ка-сь ему флахтъ, а распусти-ка-сь его по вѣтру, да чтобы съ золотымъ крестомъ, да красочекъ пусти поярчѣе... словно его кто палкой погонитъ — знай „уру“ кричить, да прѣтъ за флахтомъ, словно и не вѣсть какую святыню оборонить, словно тутъ-то, во флахтѣ, и истина вся и все до-

стояніе. Руку даетъ себѣ отсѣчь, кишки даетъ себѣ выпустить, а флахтъ—тряпицу негодную—оборветъ, да на груди и сохранишь, коли спасти не удастся. Вотъ ты и понимай, что онъ, флахтъ-отъ, значитъ! безъ него ни Васька, ни Проша на турку не пойдутъ, потому тотъ ихъ ничѣмъ не изобидѣлъ и неизубытчилъ. Ты безъ флахту обойдешься, а ему видимость нужна... дай ты ему, аки древле Оомѣ, ощупать, да персть вложить! потомъ-то для него персть этотъ дороже жизни дѣлается, а до поры не ворохнется...

— Да вѣдь ложь это? чертами-то запугивать, когда самъ въ нихъ не вѣришь?

— Это ты, человѣче, не вѣришь, а я-то какъ еще чудесно вѣрю! что же, по-твоему, тѣлесный-то человѣкъ лучше, что-ли, того козлоногаго, что у насъ пишутъ? нѣтъ, чуть ли еще не похуже будетъ. Гдѣ же тутъ ложь, когда я своимъ денно и ночью толкую: вы есте жилище діавола, изжените его изъ себя и оставите онъ міръ сей, и наступитъ блаженное время осьмаго дня! гдѣ же тутъ ложь, человѣче? одна лишь чистая правда.

Замѣчу кстати, что всѣ рѣчи старца Абросима я тутъ же намѣчалъ у себя въ записной книжкѣ; говорилъ онъ медленно и записывать не составляло особеннаго труда, поймавши и усвоивши себѣ его манеру говорить. Чуть не на первой же записи онъ усмѣхнулся и спросилъ: „Поди, чай, въ газету свою снесешь? повремени, пообожди, теперь не носи, а вотъ помру я, тогда можно; дѣло-то я наладить уже успѣю, такъ хопъ и разъищутъ—ничего! скажемъ бѣгуны, да и только! кое-кто и такъ насъ бѣгунами обзываетъ—спроси тамъ, въ городу-то“.

Въ прошломъ году, какъ разъ на память Амвросія епископа Медіоланскаго, декабря 7-го, и притомъ въ недѣлю святыхъ праотцевъ, почтенный старикъ наконецъ обрѣлъ покой и радостно былъ похороненъ своими адептами, говорю—радостно, такъ какъ изъ послѣдующаго разсказа читатель увидитъ, какъ смотрятъ „нѣтовцы“ или „живые мертвецы“ на смерть.

— Да вотъ, снова заговорилъ старикъ, — недалеко ходить: слыхаль, небось, что насъ кое-какіе невѣгласи именуютъ самосожигателями... И по-твоему, и по-моему такое дѣло выходитъ неладно, будто и заворно... Такіе люди—что твои сумасшедшіе, а вѣдь таковыхъ во всякихъ мѣстахъ, и у насъ, и въ чужихъ земляхъ на цѣпуру сажаютъ. А погляди-ка-сь, что наши толкуютъ... Юдоль плача, говорятъ, здѣсь на землѣ, и чѣмъ скорѣе отъ оболочки грѣховной освободиться, тѣмъ лучше... и Богу, толкуютъ, угодно, и для души полезно! Я и такъ, и этакъ: нельзя, говорю, въ пути Божіи вступаться, нельзя наказаніе Божіе уменьшать, такъ вѣдь ничего немо-дѣлаешь... очень ужъ разгорятся рвеніемъ духовнымъ,—глядишь, или гдѣ потаенно сожгутся, или голодомъ себя изведутъ. Нѣтъ, человѣче, тутъ безъ флахта ничего не подѣлаешь, когда люди еще въ

огонь лѣзуть по своей охотѣ; не дай-ка-съ имъ знамени, флахта, такъ они завтра же свое придумаютъ, да въ срубахъ съизнова и зачадать. Тоже вѣдь выше печки не прыгнешь, а коли нѣтъ пониманія на духовное, такъ надо давать имъ видимость; пройдетъ время, дойдутъ умомъ, тогда и безъ флахта обойдутся. Такъ-то!

Этотъ „флахтъ“ мнѣ сильно понравился, и я понялъ, что старецъ Абросимъ не зря ведетъ свое дѣло, а вполне сознательно и толково. Въ этотъ вечеръ мы сидѣли въ его просторной и чистой избѣ за столомъ, покрытымъ чистою скатертью, и попивали всероссійскій напитокъ, который служить такую неоцѣненную службу для всѣхъ собирателей всевозможныхъ свѣдѣній. Просидѣли мы такимъ образомъ довольно долго и успѣли уже перепрокинуть стакановъ по восьми моего привознаго чая, съ легкою прибавкою настоящаго норвежскаго рома, который, можетъ, и плохъ бываетъ вообще, а на этотъ разъ ничего, кромѣ высокаго наслажденія, намъ не доставилъ. Жилъ старикъ хорошо, хозяйственно и, повидимому, домъ его былъ полною чашею; во всемъ была видна заботливая и умѣлая рука и притомъ рука отнюдь не мужская, а именно женская, придающая всему въ домѣ какой-то особый отпечатокъ привлекательности, чистоты и аккуратности. Мы все еще сидѣли, когда въ горницу вошла статная и видимо красивая когда-то старушка, которая поклонилась мнѣ и спросила:

— Что-же, мірскіе-то гдѣ лягутъ?

— Имъ-то здѣсь постели, а Артамонъ гдѣ ни на есть свернется. Вотъ и старуха моя—Игнатовна по мірскому будетъ, ну, а по нашему, по общежительному, старица Марина; такъ ты ее и почитай либо по мірскому, либо по общежительному. Да, какъ ни какъ, а все же прожили мы съ нею не много, не мало, а 38 лѣтъ, и грѣха на душу не взяли, не обрели душу на мученіе житейскоз...

— Что-же, дѣтокъ, старче, такъ у васъ и не было?

— Быть-то... да нѣтъ, такъ и не было! спохватился какъ-то наскоро старецъ.

Дѣло показалось мнѣ интереснымъ и достойнымъ разъясненія, такъ какъ въ этомъ отвѣтѣ мнѣ являлось кое-что неяснымъ, и даже, пожалуй, неладнымъ. Старушка, посидѣвши немного съ нами и поговоривъ со мною „по женскому своему положенію“ о Петербургѣ и даже о томъ, носятъ ли все еще „карнолины“, наконецъ встала, собрала мнѣ прекрасную постель и, попрощавшись, удалилась въ „полога“, гдѣ обыкновенно спать въ теплую погоду хозяева. Налили мы себѣ со старикомъ еще по стаканчику и снова въ разговоръ вступили...

— Какъ же, старче, изъ этой бѣды ты выходишь? спросилъ я, спѣша разъяснить себѣ темный, но интересный и даже жгучій во-

прось. Женщинъ вы, я вижу, не чуждаетесь, всякое дѣло справляете, какъ велитъ природа... ребятеновъ видалъ я тамъ на улицѣ кучку... а вѣдь по вашему-то выходитъ, сколько дѣтей человекъ народилъ, столько онъ душъ въ темницу облекъ тѣлесную... И дѣтей-то нельзя не имѣть, да и имѣть-то ихъ грѣхъ великій?..

— Рѣдко Господь черезъ насъ наказываетъ, а тоже бываетъ и у насъ это несчастье... только рѣдко: какъ-то у насъ бабы не плодливы; это сказывается—климатъ такой, а я полагаю—отъ трудовъ и отъ кормовой скудости дѣтей у насъ не рождается. Услышишь небось разные на насъ наговоры: будто мы спорынью даемъ и другія лекарства, такъ это все пустое—ничего мы такого не дѣлаемъ, а выходить все къ добру помимо воли нашей.

Ужъ не знаю, право, какъ это случается, а видѣть мнѣ дѣтей у „покойниковъ“ привелось очень немного, всего человекъ четыре—небольше. Скудость ли, при которой дня не проходить, чтобы „покойники“ не ѣли два раза въ день либо мясо, либо рыбу, неизмѣримые ли труды ихъ, которые нисколько не отличаются отъ трудовъ, переносимыхъ любимъ крестьяниномъ любой русской губерніи, или же наконецъ „климатъ“, который вовсе однако не дѣлаетъ безплодными женщины самоѣдскихъ и лопарскихъ, а только дѣтей у „покойниковъ“, правда, родится очень и очень мало; ходятъ слухи о спорыньѣ, толкуютъ люди и о нѣкоторыхъ иныхъ ухищреніяхъ, но провѣрить все это рѣшительно не представляется никакой возможности, такъ какъ ни одинъ „покойникъ“ и ни одна „покойница“ не сознаются въ своихъ грѣшкахъ по поводу оказываемой ими помощи неудачливому „климату“. Толковалъ разъ Артамонъ о какомъ-то „порошкѣ“, который, ежели принимать его съ молитвою, по милости Божіей соблюдаетъ безродіе, но, какъ я ни старался вызвать старца на то, чтобы онъ разъяснилъ мнѣ сущность „порошечка“, кромѣ „полно болтать-то!“ да—„окромѣ благословенныхъ крошечекъ ничего нѣтъ!“, я такъ и не могъ ничего добиться путнаго, хотя и видно было у старика нѣкоторое неудовольствіе по отношенію къ болтливому Артамону. Хотѣлось мнѣ, однако, разъяснить себѣ нѣкоторые темные вопросы въ этомъ дѣлѣ, а потому я и обратился разъ къ старику съ вопросомъ, что же будетъ, если Божья благодать распространится на весь родъ людской и бабы окончательно рожать перестанутъ?

— Ну, этого, человекче, бояться нечего! небось! не оскудѣетъ міръ грѣховнымъ человечествомъ! на что же вы-то останетесь и другіе разные? нѣтъ, друже, немного найдется народа такого, чтобы въ нашу вѣру идти! Тутъ вѣдь тебѣ мало утѣшенья да радости! Всѣ христіане привыкли либо берега кисельные да рѣки медвяныя ожидать, либо на какою-либо утѣху въ жизни надѣяться — тоже вѣдь нельзя, чтобы не думали—авось по головкѣ поглядятъ, винца поднесутъ, сладенькимъ поподчуютъ, а у насъ вѣдь нѣтъ этого: у насъ юдоль плача одна, скрежетъ зубовный; для кого жизнь-то одно ве-

селье, а для насъ—горе горькое. Ты знаешь ли, какъ у насъ встрѣчаютъ нарождающагося человѣка? у насъ вѣдь по всему поселку плачь такой идетъ, такое горе разливанное, что свѣжій человѣкъ на-думается—моръ посѣтилъ, или оснипа-матушка пошла по хоромамъ. Нѣтъ ты попробуй-ка, дойди-ка-сь до того, чтобы у тебя слезы горючія „воистину“ изъ глазъ текли при видѣ нарождающагося человека, да чтобы ты воистину радовался и ликовалъ при послѣднемъ вздоханіи дорогихъ твоему сердцу и близкихъ? тоже не скоро такого достукаешься! надо горькаго-то воистину до слезъ хлебнуть. Нѣтъ, на нашу вѣру тоже, доложу тебѣ, охотниковъ немного сыщется! Блага наши не велики—только что съ голоду не помираемъ, а вмѣстѣ нашего житія—не всякій вмѣститъ.

Странное дѣло! старикъ видимо, горевалъ о томъ, что ученію его не суждено распространиться, но въ то же время былъ доволенъ, что въ его „вертоградъ“ не успѣли еще вторгнуться разные не могушіе „вмѣстити“ люди, такъ какъ задерживать таковыхъ въ поселеніи являлось немисланнымъ, а въ случаѣ ихъ выхода изъ общежитія, они могли весьма легко разнести по міру вѣсть о существованіи поселка „живыхъ покойниковъ“, и слѣдовательно навести на это тихое пристанище разныя власти. Говорятъ, что до сихъ поръ не было еще ни одного случая ухода въ міръ и только двое изъ „покойниковъ“ пошли искать по свѣту „свѣточа истины“, въ видѣ вѣчныхъ, бездомныхъ и убогихъ странниковъ, которыми переполнены и дворы, и задворки монастырскіе, и церкви „обыконныя“, т. е. обладающія какою-нибудь явленною иконою, и церкви „субазарныя“, подлѣ которыхъ охочій на поживу причтъ ухитрился выстроить такъ называемые „номера“, гдѣ торгуютъ въ праздники дегтемъ, казанскимъ мыломъ и другимъ краснымъ товаромъ, не считая супоней сыромятныхъ, табаку и калгана.

Съ каждымъ днемъ все ближе и ближе сходились мы со старцемъ и все подробнѣе и лучше ознакомливался я съ этою чрезвычайно богато одаренною натурою. Сначала разговоры наши имѣли характеръ нѣкоторой случайности, поминутно обрывались; старецъ постоянно перескакивалъ съ одного предмета на другой, словно боялся, что не успѣетъ договорить всего до конца моего пребыванія у нихъ; но затѣмъ, мало-по-малу, мнѣ удалось установить съ нимъ совершенно правильныя бесѣды, гдѣ онъ уже отвѣчалъ прямо на предлагаемые ему вопросы, лишь по временамъ увлекаясь предметомъ и отклоняясь нѣсколько въ сторону. Я не стану передавать здѣсь все, что говорилъ мнѣ старецъ, такъ какъ это завело бы насъ слишкомъ далеко, а общу лишь главное содержаніе нашихъ разговоровъ, приводя иногда собственныя слова моего собесѣдника, включая ихъ въ скобки.

Богъ жилъ предвѣчно, даже тогда, когда ничего не было; „а и

такое время было, что ничего не было, хотя и могло все быть; вотъ, гляди, и туча есть, и дождемъ она напоена, а дождя все нѣтъ какъ нѣтъ!“ Все было готово къ бытію и ждало лишь окончательнаго, могучаго толчка, который призвалъ бы все къ жизни, къ дѣятельности,— „вѣдь зерно давно проросло, а безъ дождя наружу не выйдетъ! ударить дождичекъ — и погѣзло все наружу“. Этоть-то жизненный толчекъ былъ данъ природѣ Богомъ, который, созидая и творя, самъ не звалъ, „ладно ли ему все удастся, или нѣтъ?“ Однако по природѣ своей Богъ не могъ ни въ какомъ случаѣ создать чтонибудь „неладное“— „это вы только толкуете — всемогущъ, всемогущъ, а развѣ онъ дурное что сдѣлать можетъ? развѣ въ его власти зло творить? Коли можетъ, да властенъ, такъ какой же онъ всеблагій? все-то вы вокругъ да около вертитесь, а самой сути понять не можете“. Такимъ образомъ, все, что выходило изъ рукъ Божіихъ, носило на себѣ отпечатокъ добра и пригодности или полезности, а потому и понятно, что все вредное, дурное, злое, должно было имѣть своего создателя, такъ какъ Богъ не могъ создать всего этого. Все злое, темное и вредное пошло отъ отца тьмы — дьявола, который творилъ въ одно время съ Богомъ, имѣлъ совершенно равное съ послѣднимъ могущество, не будучи въ состояніи сдѣлать чтонибудь доброе и полезное. „И никакой въ немъ гордыни не было, и никогда его Богъ съ небесъ не изгонялъ, а все это люди выдумали для того, чтобы себѣ дать поблажку — это-де не мы, а дьяволъ насъ смутилъ. Развѣ вошь виновата, что она вошь, а не бабочка многоцвѣтная? Развѣ волею виновата, что ему суждено только вередить людямъ? А какая такая заслуга у коровы, что она человѣка кормить, или у пафлина-птицы, что перо у него красивое? Такъ и зло не виновно, что создано духомъ зла, и корить его за это— все одно, что косякъ бить кулаками, коли лбомъ на него наткнешься, да зашибешься по нечаянности. Тоже и Бога благодарить за то, что онъ такъ, а не иначе сдѣлалъ, безумно; этакъ и лещамъ кланяться придется, что они въ неводъ попались и оставили тебя съ ущицей. Да вѣдь въ томъ-то и дѣло, что вы понятія всего не имѣете! знай кланяетесь: Господи, отведи! Господи, спаси! Господи, подай! Коли бы могъ онъ твою молитву услышать, такъ давно бы и самъ подалъ, безъ твоего гомону, а въ томъ-то и дѣло, что ему наложенъ покой и, какъ ты ни надрывайся, ничего, онъ не услышитъ, и въ дѣло твое, повѣрь, не вступится. Коли молиться, такъ молись тому, кто теперъ, въ 7-й день, настоящую силу имѣетъ, такъ и то молитва твоя пронадетъ даромъ, такъ какъ и онъ сдѣлаетъ такъ, какъ ему предѣлъ положенъ, и хотъ ты ему сто берковцевъ воску сожги, а мольбы онъ твоей не исполнитъ, потому что ничего по мольбѣ исполнить не можетъ и дѣлаетъ лишь вредоносное и злое“.

— Но кто же наконецъ, старче, изъ нихъ сильнѣе, могущественнѣе? Богъ или дьяволъ?

— А Богъ ихъ вѣдаетъ! отвѣчалъ старикъ по привычкѣ, и отъ души посмѣялся, когда я поймалъ его на словѣ. „Вотъ ты тутъ, на этомъ моемъ словѣ и подумай! ну гдѣ намъ дуракамъ новую вѣру просвѣщать, гдѣ намъ взять легионы вѣрныхъ? Какъ намъ безъ флaxта обойтись, когда я, самъ видишь, мужикъ не глупый, а все же не могу отстать отъ своихъ прежнихъ привычекъ? Какъ же съ народомъ-то быть, коли не держать передъ нимъ вѣчно флaxтъ, видимость, подъ которую онъ бы, аки подъ сѣнь укромну и пріятну, собирался? А у васъ развѣ этого самаго флaxта нѣтъ? а крестъ-отъ?

Самъ Богъ однажды ошибся въ наступленіи періода своей дѣятельности. Цѣлымъ рядомъ святыхъ дѣятелей, умиравшихъ за правду, повидимому, достаточно былъ „возбужденъ осьмый день“; черезъ своего посланника и помазанника Иисуса Христа Господь хотѣлъ было вмѣшаться въ судьбы міра и спасти родъ людской отъ тяжкой обузы грѣховной плоти, которая заявила на человѣкѣ лишь послѣ „перваго грѣха“; пришествіе Иисуса Христа неудалось, такъ какъ посланникъ Божій остался непризнаннымъ и былъ истязуемъ и распятъ на крестѣ. Смерть Иисуса заставила многихъ, истинно проникнутыхъ вѣрою, людей искать спасенія и примиренія въ смерти, причемъ лютость этой смерти лишь увеличивала спасительность ихъ подвига. Понятное дѣло, что всѣ мученики являются для „покойниковъ“ идеалами, которымъ непремѣнно слѣдуетъ подражать до малѣйшихъ подробностей; намъ не разъ приходилось слышать отъ нихъ, что „нынѣ горе! ни пилы деревянные, ни ножи булатны, людей не казнятъ, а заладили одну Сибирь да Сибирь, а въ Сибири въ этой только марвы набираешь (толстѣешь), а помирать—не помрешь“.

Разъ какъ-то, распарившись хорошенько чайкомъ съ постными сливками, т. е. съ ромомъ, мы сидѣли со старцемъ одни одинешеньки, и потому, видя, что онъ благодушествуетъ, я рискнулъ спросить его, не слѣдуетъ ли и теперь искать смерти, на примѣръ, сожигаться и т. п.

— Какъ тебѣ на это отвѣтить, человѣче? и самъ не знаю, потому дѣло это трудное и замысловатое. Кабы дурно это было, такъ вѣдь святыхъ мучениковъ надо бы дураками почитать, а то, пожалуй, и просто въ больницу отдать на излеченіе; однако, сколько миллионовъ народа ихъ почитали, да и теперь почитаютъ — не все же вѣдь дураки эти почитатели, въ самомъ дѣлѣ! Ну, вотъ ты теперь и думай! Гусь Иванъ былъ и противъ римскаго папы училъ, противъ его сребролюбія и противъ прилѣпленія къ марвѣ своей (плоти)... что же съ нимъ случилось? самъ вѣдь знаешь—съ восторгомъ смерть мученическую пріялъ сожженный... Ну, а Галилей? вѣдь тоже знаешь? Много народа за истину, за правду и за свой флaxтъ умирали, да какъ еще умирали-то! будто шутку шутили! Да вотъ хоть бы Поликарпъ свя-

той: переворачивайте, говорить, съ этой стороны уже поджарилось! Вотъ это такъ умерь! Опять и у насъ тоже много праведныхъ душъ отъ марвы освободилось, благодаря самосожженію; многіе тогда сожженіемъ тѣла своего приблизили наступленіе восьмага дня. Слажу я тебѣ такъ: если позналъ ты, что можешь угодить Богу, воспріять смерть,—сожгайся, умирай какъ хочешь—добро сдѣлаешь. Авраамъ сына роднаго не пожалѣлъ, а Богъ требуетъ отъ насъ, чтобы мы духомъ къ нему стремились. Вотъ что, друже! нѣтъ во мнѣ силы той духовной, да и полагаю, что здѣсь еще, въ сей доли грѣшной, могу я прейти не безъ пользы, а потому я и не стану осьмый день возбуждать и ускорять, а кто снести сіе можетъ и знаетъ, что въ послѣднюю тяжкую минуту не струсить, тому подобаетъ предать свою марву на прозятіе, на сожженіе, на уничтоженіе и искупить свою божественную душу, которая, какъ птичка небесная, ждетъ не дождется, чтобы ее выпустили на волю. Ино дѣло, если придутъ на насъ съ дреколіемъ,—тогда поневолѣ придется воспѣть снова преславный стихъ о женѣ Аллилуевой; вѣдь знаешь небось? только не такъ его по вашему пинутъ, а пѣли его святые отцы палеостровскіе такъ-то:

„Какъ въ томъ ли во градѣ Ерусалимѣ,
Въ Ерусалимѣ градѣ богатнымъ,
Поднималася туча грозная,
Туча грозная, неминучая;
Отъ Ирода царя туча шла,
Отъ его ли отъ буйной головунки.
Понадумалъ тутъ Иродъ царь
Погубить Христа Бога нашего,
Бога нашего, молодѣнчика,
Молодѣнчика страсотерпнаго“,

Ну, потомъ-то почитай все то же, что и у васъ сказывается. То мы теперь отъ огня бережемся, а коли придутъ насъ брать, такъ поневолѣ придется въ огонь броситься и погорѣть въ нашихъ срубахъ, какъ изстари завелось еще у нашихъ отцовъ и дѣдовъ.

Святыхъ нашей церкви „покойники“ признаютъ, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ новѣйшихъ, прославившихся, какъ гонители раскола. Дмитрій Ростовскій, Питиримъ Нижегородскій, Тихонъ Задонскій, представляются имъ далеко не святыми людьми, а, напротивъ того, исчадіемъ діавола, который, однако, самъ того не зная, посредствомъ ихъ гналъ и преслѣдовалъ правовѣрныхъ, мучилъ послѣднихъ и самъ, слѣдовательно, незавѣдомо „возбуждалъ пришествіе осьмага дня“. Есть и свои святые у „покойниковъ“, къ числу которыхъ причисляются, между прочимъ: священномученикъ Аввакумъ, мученики кончезерскіе, иргизскіе, чернораменскіе, вѣтковскіе, поморскіе, выговскіе и другіе.

— Ну, а имъ? спросилъ я разъ старца,—молитесь?

— И чудака ты только, погляжу я, отвѣчалъ онъ съ добродуш-

ною своею улыбкою. — На что же я имъ-то молиться стану, когда сами они, увидавъ, что вскую молились, похотѣли воспріять смерть? да что же я, смѣяться что ли надъ ними стану? Авось либо Господу самому извѣстно, что сдѣлать и чего не дѣлать! Чего же я приста- вать-то къ нему буду, да еще и другихъ стану подговаривать на то, чтобы они не въ свое дѣло совались? Нѣтъ, не годится все это дѣлать!

Понятное дѣло, что, не признавая необходимости и даже пользы молиться, „покойники“ не могутъ признавать храмовъ, таинствъ и т. п. „Какой тамъ храмъ, когда сами мы храмы Бога жива, только храмъ-то загаженный, запакощенный, такъ что и не откопаешь изъ-подъ грѣховнаго навоза адамантъ сей! Какой тамъ храмъ, когда молиться въ немъ некому? Какія таинства? Передъ кѣмъ? Зачѣмъ? когда тай- ное давно уже сдѣлалось явнымъ, когда вся тайна лишь въ томъ, какъ бы скорѣе освободиться изъ темницы плотской и воссоединиться съ Богомъ“.

По мнѣнію „покойниковъ“, нѣтъ ничего грѣховнаго въ употребле- ніи въ пищу тѣхъ предметовъ, которыхъ чураются старообрядцы и поморы, и вся суть лишь въ томъ, что питье чая, куреніе табака и употребленіе вина и пива есть ничто иное, какъ поблажка „марвѣ“, которую заповѣдано, напротивъ того, распинать со страстями и по- хотями, а не ублажать всячески. „Какая же будетъ темница, если у тебя въ зубахъ трубка, а на столѣкѣ косушка стоитъ, да еще кипить и самоварчикъ; въ такую темницу охотниковъ попасть найдется не- мало — лучше будущихъ вашихъ медвяныхъ рѣкъ съ кисельными берегами будетъ! Не грѣхъ, потому грѣшить тебѣ не передъ кѣмъ, а такъ... слабость одна, неуготованность къ жизни духовной... Я вотъ теперь съ тобою чайкомъ и ромкомъ балуюсь, такъ вѣдь это что зна- чить? какъ это понимать надо? Ну, какой я руководитель, какой я вождь, когда самъ дозволяю себѣ такую слабость, такую поблажку?“

Уже раньше было говорено, какъ происходило, по мнѣнію „по- койниковъ“, твореніе. Они твердо убѣждены, что подъ „днями“ рѣ- шительно нѣтъ возможности понимать тотъ день, который знаемъ мы, такъ какъ „и солнца-то еще не было настоящаго, да и считать-то было некому“. Старецъ Абросимъ не разъ говаривалъ мнѣ, что „не даромъ же католическіе попы, не въ примѣръ поумнѣе нашихъ, за умъ взялись и давно уже стали подъ науку подъяфериваться и толковать, что день дню рознь и что тотъ день можетъ и цѣлую тысячу лѣтъ тянулся... Тамъ вѣдь какъ сказано? и бысть утро, и бысть вечеръ — день первый! а когда утро настало, да сколько оно времени тянулось? Или опять тоже хоть бы и вечеръ... тамъ вѣдь объ этомъ ничего нѣтъ и нигдѣ ты толкованія путнаго на эту статью не найдешь, потому человекъ норовитъ все на свою человеческую мѣрку наладить, а то и позабылъ, что дѣлами-то тогда не какой нибудь Антропка, да и не Гумбольтъ ворочалъ, а самъ Осподь Богъ;

гдѣ слонъ одну ступень сдѣлаетъ, тамъ черепаха годъ промучается, гдѣ нитка проскочитъ, тамъ валбуда не проникнуть". По своему, и притомъ зачастую крайне замысловато, переводилъ мнѣ старецъ книгу Бытія, на которой зиждется, такъ сказать, вся ихъ вѣра въ наступленіе осьмаго дня и которая, пожалуй, для нихъ дороже, нежели для евреевъ; нерѣдко указывалъ онъ мнѣ на нѣкоторыя неточности перевода, которыя у насъ почему-то получили полныя права гражданства и даже вошли въ учебники, какъ напримѣръ: твердь и т. п. Когда міросозиданіе было окончено, то сама собою должна была прекратиться дѣятельность творца; Господь является въ міровоззрѣніи „покойниковъ“ прежде всего въ роли „творца и зиждителя“, какъ поется въ одномъ изъ панаендичныхъ гнѣсныхъ гимновъ, и только современемъ онъ возьметъ на себя роль „правителя“; прежде всего, до начала временъ, Богъ былъ „вседержителемъ“, т. е. все въ себѣ содержалъ, затѣмъ сталъ творить и изнемогъ вслѣдствіе чрезмѣрнаго употребленія творческой силы; насталъ седьмой день: Богу нечего было уже творить, да и нечѣмъ. Тогда-то „почи Осподь отъ дѣлъ своихъ“, и тщетно взываетъ къ нему человекъ, воображающій, что, при посредствѣ молитвъ и приношеній, ему удастся заставить Бога услышать его и отряхнуть покой; ничто въ мірѣ не можетъ побудить Бога покинуть состояніе покоя и невмѣшательства, такъ какъ „и на него законъ положенъ“; кто создалъ этотъ законъ, управляющій Богомъ, — такъ и не удалось мнѣ дознаться. Но вотъ однажды, когда массы людей не успѣли еще сбросить съ себя тлѣнную и грѣховную оболочку, а была ихъ всего лишь одна пара, позабыла эта пара, что всѣ помыслы людей должны быть направлены къ тому, чтобы освободиться отъ своей грѣховной оболочки и „похотѣла дѣторожденія ради“; если бы этого не случилось, если бы Адамъ и Ева продолжали наслаждаться своимъ почти богоподобнымъ проживаніемъ въ раю, то не было бы у людей грѣховной оболочки, не было бы и нынѣшней грѣшной и слезной юдоли; какимъ бы образомъ происходило въ такомъ случаѣ размноженіе, „покойники“, видимо, не знаютъ, такъ какъ, сколько я ни старался выпытать у старика ихъ взгляды на это дѣло, онъ вѣчно какъ-то отлынивалъ и путался... „А ты почему знаешь! если ужъ двоихъ безъ грѣха создалъ, такъ могъ создать и сотни, и тысячи, и миллионы“; иногда старикъ прямо уклонялся отъ категорическаго отвѣта и старался перейти вообще ко всемогуществу Божію по части всего добраго и полезнаго. Тутъ обыкновенно я старался поймать его на томъ, что Богъ не могъ бы въ настоящее время творить безплотныхъ людей, такъ какъ нынѣ онъ почилъ отъ дѣлъ своихъ и не въ состояніи сотворить хотя что либо, но на это старецъ вдавался обыкновенно въ свою таинственную, полную мистицизма философію и замѣчалъ, что „а развѣ земля каждый разъ грибокъ рождаетъ? вѣдь не на каждую же сырѣжку она свои силы тратитъ, а создала она разъ гнѣздо, а оно уже и пускаетъ

изъ себя все новыя и новыя сиротѣжки. Ты разрѣжь когда курицу, да погляди-ка-сь въ нутро-то къ ней—у нея тамъ видимо-невидимо яицъ и зародышевъ заготовлено; засыпа заразы сдѣлана, а тамъ на-ляй себѣ курица хоть десять лѣтъ по сотнѣ цыплятъ — новой заготовки не потребуется“. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ нашихъ дальнѣйшихъ разговоровъ я могъ заключить, что, по понятіямъ „покойниковъ“, Богъ сотворилъ зародыши или, вѣрнѣе, зародышевыя души всѣхъ грядущихъ поколѣній людей, и поколѣнія эти должны были впоследствии появляться совершенно свободно, безъ дальнѣйшаго участія въ ихъ появленіи на свѣтъ Божій божества, и если съ грубопадениемъ первыхъ людей прекратилась возможность рожденія новыхъ безплотныхъ людей, то виновны въ томъ Адамъ и Ева. Понятно, съ какою ненавистью относятся „покойники“ къ праотцамъ; назвать мужчину Адамомъ, а женщину Евою, представляется невысшею обидою, которую можно нанести человѣку. Говорять, между „покойниками“ никогда не бываетъ драки, ругани, и въ особенности нашей, столь излюбленной, всероссійской ругани я ни разу не слышалъ, но приводилось и мнѣ слышать, какъ въ пылу самаго сильнаго гнѣва какой нибудь „покойникъ“ ругаетъ своего односельца Адамомъ; другихъ ругательскихъ словъ слышать мнѣ не приходилось.

Продолжителенъ былъ покой Божій; долго тянулся уже седьмой день! когда одному изъ величайшихъ людей тогдашняго времени, по имени Иисусу, пришло на мысль „возбудить осмый день“, т. е. такъ или иначе приблизить моментъ его наступленія. Всею жизнью своею и наконецъ мученическою смертью, вполне сознательною и добровольною, онъ на нѣсколько столѣтій приблизилъ наступленіе желаннаго момента и заповѣдалъ подражать ему во всемъ, какъ въ жизни, такъ и въ смерти. Понятное дѣло, что Иисусъ Христосъ былъ „Сынъ Бога живаго“, самъ „живый“ и „сый“, по той простой причинѣ, что вполне не дорожилъ своею „марвою“ и жилъ духовною жизнью, а не „тѣлесною“. „Такъ и надо понимать слова „Сынъ Божій“, говоритъ Абрисимъ—„а не такъ, какъ вы понимаете! живи по Христову, такъ и ты Сыномъ Божиимъ наречешься, и ты, пожалуй, про голубя рассказывай. Развѣ тотъ же Христосъ, котораго одного вы Сыномъ Божиимъ полагаете, не сказалъ при цѣлой толпѣ народа, что достигъ Божія усыновленія вовсе не трудно, такъ какъ „блаженни миротворцы, яко тѣ Сынове Божіи нарекутся“. Что же вы хлопчете, что же вы, какъ рыба въ иерометѣ, толчетесь, когда вамъ давно уже путь къ Божію усыновленію указанъ: творите миръ на земли, не только не ссорьтесь, но даже не допускайте ссоры между ближними вашими, уступайте во всемъ, своими благами поступайте и жертвуйте, и будете вы такими же Сынами Божиими, каковымъ былъ древле Иисусъ Христосъ. Ящикъ-то только крышкой накрытъ, а ты сто ключей перебралъ, его отпирая“.

Когда Иисусъ умеръ на крестѣ за свои убѣжденія, то понятно, что примѣру его должны были послѣдовать многіе люди, добившіеся того презрѣнія къ жизни, которое составляетъ верхъ и цѣль стремленій для „покойниковъ“. Мученики первыхъ вѣвовъ христіанства, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежали къ числу „покойниковъ“, хотя и не вполне исповѣдовали ихъ вѣроученіе и не успѣли еще додуматься до нѣкоторыхъ догматовъ, крайне важныхъ въ настоящее время, но тогда еще не выяснившихся. Когда я спрашивалъ, какъ относятся „покойники“ къ чудесамъ Иисуса Христа и главное къ его воскресенію изъ мертвыхъ, то старецъ отвѣчалъ какъ-то неохотно и видимо всячески старался уклониться отъ прямого и категорическаго отвѣта. „Кабы онъ самъ свою жизнь написалъ—ну, иное дѣло, а то вѣдь люди же писали, да и къ тому же люди такіе, что его превыше всего любили и въ его свѣтъ во тмѣ бродили. Ты погляди: спроси у стариковъ про нашихъ мучениковъ и учителей—и чудесь отъ нихъ слышишься и всего такого, что имъ въ голову никогда не вступало; такъ-то и здѣсь! можетъ и подобія того не было, а имъ казалось, что „и ложь во спасеніе“; да можетъ и лжи-то самой не было, а была одна любовь и духовное восхищеніе, а, самъ знаешь, человекъ еще молодой, что любовные-то глаза восхищенные открываются! иной и вѣкъ того не увидитъ, что ты восхищенными очесами своими сразу провидишь. А что воскресъ онъ, такъ отчего же ему и не воскреснуть, когда и всѣ мы воскреснемъ и всѣ со Отцемъ соединимся, да только жизнь-то ужъ будетъ тамъ не та, что мы жизнью называемъ, а жизнь въ Богѣ, Духѣ и истинѣ“.

— Такъ значитъ, старче, хорошо поступали мученики, отдавая свою жизнь за Бога? и теперь, пожалуй, хорошо бы было пріять вѣнецъ мученической?

— Да вѣдь вотъ эти самые фармазоны не наши были, а ваши же, которыхъ вы презрѣли и угнали, а чему они учили? аль не помнишь? Семь ступеней ко храму, по ихъ ученію, значитъ, семь ступеней — семь добродѣтелей. И первая добродѣтель — скромность, а вторая — повиновеніе, третья — добронравіе, четвертая — любовь къ человечеству, пятая — мужество, шестая — щедрость, а седьмая и самая трудная — любовь къ смерти. Бывало, какъ начнутъ приводить новаго брата, перескажутъ ему всѣ ступени до седьмой, а тамъ и говоритъ пріемщикъ — риторъ: „и въ седьмыхъ, брате, старайся частымъ помышленіемъ о смерти довести себя до того, что бы она не казалась тебѣ болѣе страшнымъ врагомъ, но другомъ... который освобождаетъ отъ бѣдственной сей жизни въ трудахъ добродѣтели томившуюся душу, для введенія ея въ мѣсто награды и успокоенія. Видишь, куда пошло! Ну, и по-вашему, по православному, какъ долженъ праведный смерть встрѣтить? какъ награду отъ Господа ему посылаемую. Ну, а у невѣрныхъ? тоже опять: живи такъ, чтобы вокругъ тебя всѣ смѣялись, а ты бы одинъ плакалъ, а умирай такъ, чтобы ты смѣялся... Дойди

до того, чтобы ее, матушку, с улыбкою благодарности и радости встрѣтить — вотъ тебѣ и вся задача. Да ты знаешь ли, что все сдѣлано смертью и безъ нея въ родѣ какъ ничто же не бысть, еще бысть? Мы и поемъ о томъ въ своей стихирѣ, каждодневно поемъ, и твердо вѣруемъ, что безъ смерти ничего бы не было на землѣ чистаго, праваго, добраго, ибо Богъ есть поконце вѣчное, еще есть смерть. Смерть есть начало всему, а не конецъ, да вотъ прислушай!“

И старикъ дрожащимъ, но торжественнымъ голосомъ зашѣлъ:

Христось родися—отроцы убиени быша,
 Христось крестися—Иванъ главы лишися,
 Христось постися—дѣволъ удавися,
 Христось въ Офсимани молися—кровію персть оросися,
 Христось духомъ оживися—смерть ему открыся,
 Христось предадеса—Иуда умертвися,
 Христось пострада—Пилатъ помре пострамленъ,
 Христось распнеся—воинъ помре пораженъ,
 Христось мертвъ бысть—смертію жизнь оживися,
 Христось вознесеса—смертію съ Отцемъ совокуися!

„Разбери-ка ты эту стихирю, да подумай-ка-съ потолковитѣе надъ ея правдою, такъ ты и поймешь, что:

Нѣсть спасенія въ мірѣ, нѣсть!
 Лестъ одна лишь править, лестъ!
 Смерть одна спасти насъ можетъ, смерть!

Нѣсть и Бога въ мірѣ, нѣсть!
 Счестъ нельзя безумства, счестъ!
 Смерть одна спасти насъ можетъ, смерть!

Нѣсть и жизни въ мірѣ, нѣсть!
 Местъ одна лишь братьямъ, местъ!
 Смерть одна спасти насъ можетъ, смерть!

Признаюсь, у меня мурашки по спинѣ забѣгали, когда, совершенно неожиданно для меня, старикъ, окончивши первую стихирю, поднялся во весь свой ростъ и восторженнымъ голосомъ, съ горящими какимъ-то неестественнымъ огнемъ глазами, тяжело переводя духъ, громко выводилъ первую часть стиха на голосъ „Тебѣ Бога хвалимъ“, и вдругъ отрывая повторительное конечное слово, словно рубя топоромъ, спѣлъ этотъ хвалебный гимнъ смерти, это глубоко прочувствованное и тѣмъ болѣе страшное воззваніе къ смерти, какъ къ спасительницѣ всего живущаго. Что долженъ былъ пережить и перечувствовать этотъ человѣкъ прежде, нежели онъ дошелъ до составленія этой послѣдней стихирю, которая видимо не была измыслиемъ какого-нибудь нашего скорбящаго среди сытныхъ обѣдовъ и ужиновъ поэта, а вырвалась, какъ одинъ крикъ, изъ этой потрясенной людскимъ и своимъ собственнымъ горемъ души, вырвалась, быть можетъ, и нескладно... но развѣ крикъ боли, крикъ безпомощности, крикъ погибающаго, можетъ быть складенъ?

Я сидѣлъ передъ старцемъ совершенно подавленный; глаза мои какъ-то бессознательно уставились на него; онъ тотчасъ же подошелъ ко мнѣ, взялъ мою голову обѣими руками и, поцѣловавъ въ лобъ, сказалъ: „Что? не вмѣстишь? да гдѣ же! Нашему брату, двухильному, и то въ самую пору! Живи только по Христову примѣру, да къ марвѣ больно не прилѣпляйся—и то ладно! Съ тебя больше и не спросится“.

Если жизнь представляется „испытаніемъ“, „наказаніемъ“, то понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ „покойники“ наступленія того „осьмаго дня“, когда „Осподъ“ выйдетъ изъ состоянія покоя и „снова вселится въ міръ, вселя въ себя міръ“. Понятно, что наступленіе осьмаго дня не совершится внезапно и на это найдется цѣлая масса указаній, которыя дадутъ человѣчеству возможность достойно приготовиться къ „принятію Бога и къ воссоединенію съ нимъ“. Кромѣ „брани звѣрской, егда братъ пойдетъ на брата“ и т. н. признаковъ, которые у нашего буквеннаго раскола обозначаютъ собою наступленіе такъ называемаго конца міра, у „покойниковъ“ признаются и нѣкоторыя другія указанія, которыхъ мы нигдѣ, ни у раскольниковъ, ни у православныхъ не встрѣчали. Къ числу этихъ особенныхъ признаковъ прежде всего мы отнесемъ „великую благодать Божію“, которая выразится въ томъ, что всѣ, успѣвшіе уже примириться съ Богомъ, получатъ давно ожидаемое ими успокоеніе, т. е. умрутъ отъ „Божьей смерти“. Божья смерть будетъ происходить такимъ образомъ: на лбу у отмѣченныхъ избранниковъ появится „печать благодати Божіей“, которая обыкновеннымъ людямъ будетъ казаться язвою; безъ мученій и притомъ чрезвычайно быстро будутъ умирать отмѣченные перстомъ Божиимъ, и хотя грѣшники и будутъ всячески стараться сами или черезъ врачей изцѣлить ихъ отъ кажущейся болѣзни, но печать благодати не поддастся леченію и избранники все же вернутся „въ лоно Отчее“. Когда я спросилъ у старца, чѣмъ же будетъ отличаться Божья смерть отъ обычныхъ заболѣваній, и замѣтилъ, что бѣда вѣдь, если ее лечитъ стануть, то онъ подумалъ нѣсколько времени и затѣмъ порѣшилъ, что тутъ уже самому чело-вѣку видно будетъ, „хворость ли съ нимъ, или же спасеніе“. Между прочимъ, передъ наступленіемъ осьмаго дня прекратится всякое говеніе за вѣру и настанетъ то время, когда „всякъ безъ утайки своему Богу молиться станетъ, какъ его съизмалѣтства учили и какъ его Осподъ на то надуумилъ“. Вслѣдствіе такихъ возрѣній, всякое облегченіе, которое предпринимается правительствомъ по отношенію къ расколу, усиливаетъ въ покойникахъ убѣжденіе близости осьмаго дня; понятно, что они не думаютъ, чтобы правительство отнеслось такъ же благосклонно и къ нимъ, такъ какъ прежде всего они ему неизвѣстны, да къ тому же очень они уже выступили изъ общаго ряда.

Въ послѣдній вечеръ, при самомъ закатѣ послѣднаго, грѣховнаго солнца, весь міръ почувствуетъ, что „времена“ настали. Праведники тотчасъ же „успокоятся“, тогда какъ неправедные, не успѣвшіе еще примириться съ божествомъ, хотя и умрутъ, но умрутъ въ мученіяхъ, и лишь для того, чтобы возродиться снова для новыхъ испытаній тѣлеснаго бытія; быть можетъ, эта новая жизнь возродится на землѣ, а быть можетъ, и гдѣ нибудь въ иномъ мѣстѣ—вѣрнѣе послѣднее, такъ какъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, выстрадавшую свой тяжкій срокъ землю Богъ возметъ въ свое уже прямое и непосредственное завѣдываніе, поселивши на ней выдержавшихъ свой искусь праведниковъ. „Вѣдь слыхалъ, небось, что въ книжкахъ пишутъ о людяхъ на лунѣ и нѣмкѣ планетахъ!“ говорилъ мнѣ старецъ—„да и въ писаніи не въ противность тому сказано, а прямо свидѣтельствуется въ 10-й главѣ отъ Іоанна, что „и ны овѣца имаамъ, яже не суть отъ двора сего“,—тамъ-то вотъ жизнь и возродится, тамъ-то и настанетъ новая юдоля плача и стenanія, такъ какъ земля-матушка свое время изстрадала и избыла. И вотъ настанетъ заря осьмаго дня и такъ эта заря будетъ пламенна, что огонь, изъ нея исходящъ, проникнетъ все на земли и очиститъ все, какъ очищаетъ металлъ отъ ненужныхъ примѣсей; и воды земныя не зальютъ того огня, какъ не могутъ залить пламени горъ огнедышащихъ, а сами извергаются тѣмъ огнемъ и дѣлаются не только чисты, но и полезными для здоровья и цѣлительными; и когда все на землѣ пройдетъ сквозь этотъ огонь очищенія, и огонь пройдетъ сквозь все на землѣ, то Ослодь возстанетъ съ одра покоя и впервые послѣ долгаго седьмаго дня воззритъ на землю и тотчасъ же отъ того взора одного сдѣлается земля и все что на ней, прекрасны. Тутъ-то, по указанію Божію, возстанутъ къ новой жизни праведники и населятъ освященную землю—волюсть Божію. Настанетъ тогда вѣчное блаженство, которому конца не будетъ“. Вѣчное блаженство будетъ состоять именно въ томъ, что правда, свѣтъ, добро и польза вѣнчаться на землѣ и каждый шагъ челоуѣка, вслѣдствіе постоянной отеческой заботливости о немъ Бога, будетъ направленъ только къ его пользѣ и выгодѣ; и выгода челоуѣка не будетъ уже въ томъ, чтобы гнести другихъ людей, а будетъ лишь во всеобщемъ добрѣ и всеобщей пользѣ. Зло будетъ тогда исполнѣе уже немислимо, такъ какъ міръ будетъ управляться самимъ Богомъ, а Богъ по природѣ своей не въ состояніи сотворить что либо злое. „Даже и предвѣчно наказанный будетъ тогда прощенъ и возвратится въ сонмъ ангеловъ“, говорилъ мнѣ Абросимъ,—„а потому мы и привѣтствуемъ другъ друга не такъ, какъ вы: „здравствуй“, точно въ здравствованіи все и дѣло, а говоримъ только: „да будетъ прощенъ предвѣчно наказанный“, такъ какъ онъ простится лишь въ осьмый день, и желаемъ мы другъ другу лишь скорѣйшаго наступленія этого самаго осьмаго дня“.

— А вѣдь это, старче, не твоей выдумки? спросилъ я.

— Нѣтъ, не моей. И до насъ стучали люди у вратъ истины, да врата имъ не вполне отверзлись. Ты человѣкъ бывалый и слыхалъ, полагать надо, о томъ, какъ еще много раньше Лютора проявился Иванъ Гусь, а отъ него пошли праведные люди, которыхъ именовали „таборитами“; вотъ они-то и дошли раньше нашего почитай до всего того, чему мы учимъ, а кстати и здоровались, какъ мы теперь здороваемся.

И откуда, думаю, узналъ Абросимъ все это? Неужели же онъ читалъ когданибудь...

— Вотъ ты молчишь, а я знаю, о чемъ ты теперь думаешь. И откуда это, откуда, думаешь, онъ, сиволаный, узналъ все это? Ну, не ломай головы-то—я и такъ тебѣ скажу: дѣло-то просто—небось, и самъ даже догадался бы. Привѣтствіе у насъ это не всегда было и ввелось недавно... Есть душеполезная такая книжка, да къ тому же и занятная, сочиненіе, какъ мнѣ одинъ добрый человѣкъ сказалъ, богопріятной женщины, а зовется та книга „Консула“, еще есть сказуемо: благая совѣтчица, и весь тамъ ихній обиходъ таборитскій описанъ, какъ и что у нихъ дѣлалось; давалъ ту книжку мнѣ, когда я еще въ міру былъ, торговый одинъ человѣкъ духовной жизни и самъ читалъ ее со слезами, да и меня до слезъ доводилъ ею“.

Что сказала бы Жоржъ Зандъ, если бы знала, куда пошла и что сдѣлала ея книга?—Положимъ, дико все это, но развѣ это не ясный признакъ того, что русскій человѣкъ усиленно ищетъ истины... а виновать ли онъ въ томъ, что истина ему въ руки не дается?

Хотя время наступленія осьмага дня и не открыто человѣку, но отъ послѣдняго зависитъ, какъ выражаются покойники, „возбудить наступленіе осьмага дня“. Христось указалъ намъ своимъ примѣромъ, какъ достигнуть этого приближенія всеобщей радости и спасенія, такъ какъ въ немъ сосредоточены были все три главныхъ добродѣтели, которыя могутъ „возбудить“ желанное время: спасительный трудъ, проповѣдь и полное презрѣніе къ жизни и исцаніе смерти — вотъ что требуется отъ человѣка, желающаго приблизить время всеобщаго освобожденія и блаженства; Христось съ самаго начала своей жизни помогалъ Іосифу въ древодѣланіи, которымъ занимался до тѣхъ поръ, пока, по его убѣжденію, не настало ему время предпринять другой трудъ, гораздо болѣе тяжкій, но за то и больше плодотворный, а именно проповѣдь. Во всемъ должны мы слѣдовать примѣру Христа, а потому и должны работать въ потъ лица, такъ какъ „въ трудѣ спасеніе“ и только „трудившійся да ястъ“. Эта проповѣдь „спасительнаго труда“, существующая у молоканъ и проникшая даже въ нѣкоторые корабли христовщины, составляетъ совершенно своеобразное явленіе въ жизни нашего русскаго разновѣрія и объясняетъ зажиточность нашихъ разновѣровъ. Ни одинъ юный покой-

никъ не можетъ принять на себя обязанностей проповѣдника или мѣстнаго начетчика, пока ему не минетъ „Христовъ возрастъ“, т. е. тотъ возрастъ, по наступленіи котораго Христосъ выступилъ на проповѣдь; до тридцати лѣтъ всѣ обязаны трудиться или на себя, или на общину, и при томъ трудиться, что называется, не покладывая рукъ. Когда наступитъ требуемое время и когда по обычаю человѣкъ можетъ предпринять проповѣдничество, то его подвергаютъ сначала особому искусу; испытаніе совершается самимъ старцемъ Абросимомъ, который бесѣдуетъ съ будущимъ проповѣдникомъ и провѣряетъ его знаніе и мысли; если испытаніе оказывается успѣшнымъ, то Абросимъ, смотря по „братскимъ нуждамъ“, или благословляетъ миссіонера, или же оставляетъ его своимъ подручнымъ, такъ какъ, по его словамъ, „такой народъ и дома не безъ дѣла, потому старъ становлюсь“. Научивъ будущаго проповѣдника, что онъ долженъ быть отнынѣ „кротокъ, акъ заяць, и хитеръ, акъ змѣя“, Абросимъ снабжаетъ его тетрадкою своихъ стиховъ и отправляетъ „въ міръ“. И вотъ такимъ образомъ въ нашемъ, попавшемъ въ оладь, мірѣ появляется новый „Иванъ Возродный“ или „Непомнящій“, который бродитъ по всей сѣверной и восточной Россіи, пока не спохватится начальство, что онъ или вовсе не имѣющій права жить человѣкъ, т. е. безпаспортный, или же „незаконно“ живущій, т. е. разгуливающій съ поддѣльнымъ паспортомъ; начинаются для попавшагося проповѣдника, успѣвшаго уже вое-гдѣ заронить „Божескую искру“ и не разъ давшаго боголюбивымъ старцамъ и старицамъ выписывать стихиры изъ Абросимовой тетради,—мытарства, разсылка по острогамъ, гдѣ не безъ пользы опять проповѣдуетъ онъ „угнетеннымъ и обиженнымъ“, что въ осьмый день простится даже и предвѣчно наказанный, пока не вздумаетъ онъ бѣжать „на новые подвиги“, или же вернуться во-свои. По словамъ старца, такихъ странствующихъ миссіонеровъ, извѣстныхъ въ народѣ подъ безразличнымъ прозвищемъ „странниковъ“, куда попалъ и тотъ лодыръ, который изъ-за неохоты работать шляется по святымъ мѣстамъ, и настоящій „странникъ“, принадлежащій къ такъ называемому „Спасову согласію“, да встать и нашъ „покойникъ“, отличить котораго отъ другихъ не достало прити ни у народа, ни у начальства,—такихъ-то миссіонеровъ выпустилъ Абросимъ на святую Русь цѣлкъ двадцать шесть человѣкъ, а вернулось изъ нихъ всего лишь двое, да и то одинъ по болѣзни, а другой изъ бѣговъ.

Живутъ „покойники“ такъ исправно, что даже диву даешься, какъ это можно было такъ ладно и хозяйственно обставиться и устроиться при вѣчной болѣзни прихода съ оладнымъ листомъ, при вѣчномъ страхѣ какъ нибудь ублажить „марву“ и тѣмъ выказать привязанность къ грѣховной, тѣлесной оболочкѣ божественной души; тѣмъ не менѣе, всѣ избы здѣсь и просторныя, и свѣтлыя, и чистыя,

и ѣда на столѣ хорошая, и видно, что люди, отказавшись отъ всѣхъ утѣхъ жизни, все же не думаютъ, что могутъ и должны жить, какъ нечистоплотныя животныя. Кто хочетъ—ведетъ свое, отдѣльное хозяйство, а кому не въ мочь или не въ охоту—тѣ собрались въ артель и ѣдятъ сообща и хозяйство ведутъ общее. Посѣвовъ „покойники“ вовсе не дѣлаютъ, такъ какъ что ни посѣй—побьетъ заморозками и ни снѣгъ пороха не соберешь.

При мнѣ, почти уже передъ моимъ уходомъ, случилось, что одинъ изъ „покойниковъ“ наконецъ сбросилъ съ себя грѣховную оболочку и отправился „въ лоно Отчее“. Сталъ я присматриваться къ тому, что дѣлали „покойники“, но ничего, кромѣ нашихъ стародавнихъ похоронныхъ обычаевъ не замѣтилъ. Правда, что никто при сей важной оказіи не всплакнулъ по русскому обычаю, а напротивъ того, всѣ ходили съ какими-то радостными лицами, но нѣсколько разъ въ день являлись въ хату умершаго и цѣловали его „братскимъ цѣлованіемъ“ чуть не по десяти разъ въ день. На вопросъ мой Абросиму, зачѣмъ они цѣлуютъ „марву“, онъ замѣтилъ, что „отъ этого, какъ ни бейся, не отучишь! ужъ сколько разъ говорилъ и училъ, а все никакимъ способомъ не отучишь. Да опять же, какъ и отучать-то, самъ подумай, коли сподобился онъ Божіей благодати, коли освобождаетъ его Господь, такъ ужъ навѣрное за что нибудь, а не такъ зря, такъ какъ же не почитать хотя и грѣховное, но все-же блаженное вмѣстилище божественнаго духа, сподобившагося воссоединенія съ Богомъ?“ Утромъ пошли мы съ Абросимомъ въ хату усопшаго; почти всѣ „покойники“ были тутъ въ сборѣ и у всѣхъ лица такія веселыя, только бабенка одна все что-то отворачивалась и почасту уходила за перегородку; сказали—„евоная хозяйка“. Абросимъ раскрылъ евангеліе и прочелъ ровнымъ, торжественнымъ голосомъ рассказъ о воскресеніи Лазаря; всѣ слушали чрезвычайно внимательно, видимо вполне понимая то, что читалъ старецъ; окончивши чтеніе, Абросимъ обратилъ вниманіе своихъ слушателей на то, что „марва“ Лазаря успѣла уже загнить, а Христосъ все-же воскресилъ его. „Иносказательно подобаетъ разумѣть сей рассказъ евангельскій“, замѣтилъ старецъ,—„и не думать, что Христосъ восстановилъ грѣховнаго чловека, а низвалъ лишь духъ Лазаря, который пребывалъ во гробѣ, на всѣхъ его семейскихъ. И съ нами бываетъ, что говоримъ мы: на насъ почиетъ духъ Божій, духъ мира вселился въ сердца наши, а вѣдь что духъ Божій, что духъ Лазаря все едино, такъ какъ духъ единъ, какъ единъ Богъ“. Затѣмъ порадовалъ наставникъ своихъ слушателей тѣмъ, что скоро и имъ предстоитъ, быть можетъ, воссоединеніе съ Богомъ и, приказавъ заколотить крышку гроба, взялся вмѣстѣ съ тремя другими носильщиками за концы холстовъ, на которыхъ и вынесли усопшаго изъ его родной хаты. Всею дорогою до самаго владѣнща, гдѣ я не нашелъ ни одного креста, ни одного вышенъица въ видѣ могилки, „покойники“ пѣли подобающую такую

случаю стихире, въ сочиненіи которой признался мнѣ самъ Аброе-симъ; немного въ носъ и притомъ въ униссонъ провожающіе пѣли:

Ты нашелъ еси миръ и покой
Послѣ жизни грѣховной такой;
Ты покинулъ одежду грѣховну,
Получилъ же награду верховну!
Ты дождался смертной свободы,
Пострадавъ на земли многи годы.
Ты готовъ еси встати
Въ Божіей рати,
Егда вострубитъ Гавріилъ
И мечъ опояшетъ Михаилъ,
Егда смерти живое подчинится,
Отъ плоти міръ свободится,
Егда возсіяетъ природа
Отъ зрѣлища Божія народа,
Егда день осьмый настанетъ
И Господь почити престанетъ,
Егда наступитъ Божіе царство—
Не плоти, а духа властво.

Оказалось, что на родинахъ поется другая стихира, сочиненная какимъ-то Николаемъ, и притомъ поется въ моментъ крещенія новаго грѣховнаго человѣка „въ слезахъ мірскихъ“, т. е. когда вся община оплакиваетъ его рожденіе

Народился еси ты на грѣхъ,
Пренесчастный ты человѣкъ!
Свою жизнь пройдешь со страданьемъ,
Съ непомѣрнымъ тебѣ наказаньемъ;
Люта жизнь тебѣ изъяснится,
Сладка смерть отъ тебя удалится!
Ублажай свою Бога возможно,
Провождай ты стезю претревожно!
Ожидай своего ты спасенья,
Своего тихаго успенья,
Когда глазъ твой закроется...
Чу! могила ужъ тебѣ роется!
Славь же Бога всемогущаго,
Смерть тебѣ подающаго,
Тебѣ въ награжденье—
Намъ въ утѣшенье!

На шестой день моего пребыванія у „покойниковъ“, мы „слезно“ распрощались со старцемъ Аброесимомъ и я двинулся въ обратный путь. Верстъ, пожалуй, уже съ 6—7 отошли мы отъ обиталища „покойниковъ“, и ни разу ни я, ни Артамонъ не проронили другъ съ другомъ ни слова; даже „Никашка“ шелъ какъ-то понуривъ голову и опустивъ хвостъ... Лѣсъ былъ густой и неуютный. Вдругъ гдѣ-то въ сторонѣ раздалось пѣніе... Оба мы сразу остановились и опѣшили отъ неожиданности...

Сына еси не пожагла,
 Спасти его похотгла,
 Взяла его въ рамя,
 Ввергла его въ пламя.
 Плоть грѣковна съ него снала
 И жизнь духовна возсіяла:
 Живеть въюношь въ пещи жаркой
 Кругомъ блещетъ огонь яркій!
 О жена! благодатна твоя вѣра!
 Преполнилась терпѣнія мѣра!
 Смерти жажду и алкаю—
 Жизни въ смерти ожидаю!

Знать же „некуда идти“ стало человѣку, если додумался онъ до этой пѣсни! Знать же обуяла его „скука жизни“ и „жажда смерти“, если измыслилъ онъ себѣ тотъ мрачный, таинственный нравственный и умственный „запой“, который облекся у него въ форму такъ называемой „глухой нѣтовщины“ и сдѣлалъ изъ него „живаго покойника“...

А тутъ еще Артамонъ дорѣзалъ:

— Не сказывалъ старецъ-то про вчерашнее ничего? спросилъ онъ меня.—Вѣдь малый-то самъ въ гробъ полѣзъ!

— Какъ такъ?

— Да больно ужъ увѣровалъ! Увѣровалъ, разгорѣлся, да самъ себя и прикончилъ! Ино дрожь даже беретъ! Кабы не семья—не сталъ бы съ ними короводиться!..

Что-же это такое, какъ не то, что человѣку болѣе уже „некуда идти?“

Владиміръ Майновъ.

